

Научная статья

УДК 82.01/.09

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-117-128

ОБРАЗ ВОСТОЧНОГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РАССКАЗЕ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА «ТУАТАМУР»

Санатов К. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kirill.sanatov@mail.ru

Поступила в редакцию 12.08.2024

Принята к публикации 04.09.2024

Аннотация

Цель. Изучение поэтики повествования в рассказе Л. М. Леонова «Туатамур» с помощью анализа хронотопа, особенностей построения сюжета, образа и речи экзотического рассказчика.

Процедура и методы. В ходе исследования применялись сравнительно-сопоставительный и историко-литературный методы. Содержание исследования составляет выявление особенностей пространственно-временной организации текста, жанровых элементов в структуре повествования и повествовательных приёмов. Приведён анализ взглядов исследователей раннего творчества Леонова на организацию повествования в его рассказах 1920-х гг.

Результаты. Анализ повествовательных приёмов показал, что поэтика освещения событий и состояний их участников в «Туатамуре» служит выражению идеи цикличности времени и исторического процесса, в ней заключены явные и скрытые ценности. Установлено, что в произведении находят отражение черты мифа и легенды, преобразующие события в предания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлён взгляд на проблематику раннего творчества Леонова. Выявлены поэтика повествования от лица участника монголо-татарского нашествия, специфическая структура композиции, идея цикличности времени и ценностный подход к внутреннему миру человека в рассказе «Туатамур».

Ключевые слова: категория времени, легенда, Леонид Леонов, миф, повествовательные приёмы, поэтика повествования

Для цитирования:

Санатов К. В. Образ восточного повествователя в рассказе Леонида Леонова «Туатамур» // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 117–128. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-117-128>

Original research article

ORIENTAL NARRATOR'S IMAGE IN LEONID LEONOV'S SHORT STORY "TUATAMUR"

K. Sanatov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kirill.sanatov@mail.ru

Received by the editorial office 12.08.2024

Accepted for publication 04.09.2024

Abstract

Aim. To study the poetics of narration in L. M. Leonov's short story "Tuatamur" by analyzing the chronotope, the features of plot construction, the image and speech of the exotic narrator.

Methodology. Comparative and historical-literary methods were used in the course of this study. The content of the study is to identify the features of the spatial and temporal organization of the text, genre elements in the structure of the narrative and narrative techniques. The analysis of the views of researchers of Leonov's early work on the organization of narration in his stories of the 1920s is given.

Results. The analysis showed that the poetics of narration in "Tuatamur" serves to express the idea of the cyclical nature of time and historical process, it consists of explicit and implicit values. Based on an analysis of narrative techniques, it was established that features of myth and legend are reflected in the work.

Research implications. The view on the problems of Leonov's early work has been updated. The poetics of narration on behalf of the participant of the Mongol-Tatar invasion, the specific structure of the composition, the idea of the cyclical nature of time and the value approach to the inner world of man in the story "Tuatamur" are revealed.

Keywords: category of time, legend, Leonid Leonov, myth, narrative techniques, poetics of narration

For citation:

Sanatov K. V. (2025). Oriental Narrator's Image in Leonid Leonov's Short Story "Tuatamur". In: *Russian Studies in Philology*, 2, pp. 117–128. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-117-128>

Введение

Предметом исследования данной статьи является поэтика повествования в рассказе Л. М. Леонова «Туатамур» (1922). Внимание сосредоточено на основных повествовательных элементах, являющихся неотъемлемой частью организации художественного текста рассказа «Туатамур». Данное произведение относится к малой прозе выдающегося российского писателя XX в. Л. М. Леонова и является частью его раннего творчества. Объектом рассмотрения данной статьи являются такие важные составляющие поэтики повествования художественного текста, как пространственно-временная структура, особенности сюжетного движения, портрет и эмоциональные состояния нарратора, своеобразие повествования, стилистические особенности речи рассказчика.

Данная тема представляется актуальной в свете недостаточной изученности художественных особенностей малой прозы Л. М. Леонова 1920-х гг. в отечественном литературоведении. Отношение к творчеству Л. М. Леонова менялось на протяжении многих лет. После выхода ранних произведений Л. М. Леонова, прежде всего рассказов «Буряга» (1922), «Бубновый валет» (1922), «Гибель Егорушки» (1922), «Уход Хама» (1922), «Петушихинский про-

лом» (1923), «Бродяга» (1928), «Месть» (1928), критики обращали внимание на поэтику произведений, на яркий художественный язык, но не рассматривали данные аспекты подробно и глубоко. Творчество писателя 1920-х гг. оценивалось с точки зрения соответствия проблематики его произведений советским реалиям, понимания классовых противоречий, большевистской идеологии. В частности, анализируя раннее творчество автора, критик А. К. Воронский отмечал, что «Леонова едва ли можно назвать даже попутчиком революции... Думается, что у Леонова очень существенное и важное не продумано, художественно не проработано и не прочувствовано» [1, с. 332–333].

Представители Русского зарубежья, как и некоторые советские литературоведы, рассматривали раннюю прозу Л. М. Леонова как продолжение традиций русских классиков XIX в., представителей критического реализма, в частности Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. На это указывал, например, писатель-эмигрант М. А. Осоргин: «Несомненно одно: Леонов в нынешней советской литературе единственный типолог, и это сразу делает его продолжателем линии классической литературы» [2, с. 121].

В критических работах 1960–1970 гг. прослеживается более обстоятельный подход к художественной стороне ранних рассказов Л. М. Леонова. Например, литературовед Г. А. Белая говорила об ассоциациях его прозы с поэтикой символистов и отмечала, что в рассказе «Бурыга» присутствует «затейливая орнаментальная вязь леоновского стиля» [3, с. 48].

В 1980-е гг. анализу ранней прозы Л. М. Леонова посвящали свои работы такие литературоведы, как В. А. Ковалев, Э. Ф. Кондюрина, А. Г. Лысов. Последний, в частности, рассматривая поэтику рассказов писателя 1920-х гг., отмечал, что в плане повествования в них всегда передаётся история, «схваченная в узловых моментах, оживлённая достоверными деталями движущегося культурного бытия» [4, с. 16].

Среди исследований 2000–2010-х гг. следует выделить посвящённые ранней прозе Л. М. Леонова работы Н. В. Батуриной, А. О. Зориной и Я. Минмина. Исследователи находили в ряде произведений 1920-х гг. восточные образы и мотивы, продолжали отмечать близость ранних рассказов к эстетике символизма. Прочитав А. О. Туеву, которая подтвердила: «Под влиянием символистской эстетики Леонов обращается к языку чужих эпох и культур, к разнообразным моментам исторического прошлого» [5, с. 197].

Говоря о современных работах, посвящённых творчеству Л. М. Леонова, необходимо отметить исследования, проведённые А. А. Гагановой, А. А. Дырдиным, А. О. Задориной, Д. В. Заваровым, А. В. Подобрый. В статье А. А. Гагановой анализируется роман Л. М. Леонова «Соть» (1928). Обнаружив связь романного повествования с героическим мифом, она подчеркнула, что в финале представлена «сцена инициации, в которой, согласно мифопоэтическому канону, герой должен пережить самую тяжёлую, для себя, с аксиологической точки зрения, потерю» [6, с. 46]. В исследовании А. О. Задориной, посвящённом романам Л. М. Леонова 1920-х годов, присутствует указание на связь данных произведений, на-

пример, романа «Барсуки» (1924), с библейскими сюжетами. Критик подчёркивает, что у Леонова «связь с первоисточником сохраняется, прочитывается и распознаётся знающим читателем через аллюзии, реминисценции» [7, с. 320].

В статье А. В. Подобрый проведено исследование природных образов в произведениях русских писателей 1920-х гг. Рассматривая рассказы «Халиль» и «Туатамур», автор отмечает, что «мир восточной экзотики вступает у Леонова в диалог с русским образом мира, носителем которого является литературный автор» [8, с. 128].

Таким образом, в критических и литературоведческих статьях, посвящённых раннему творчеству Л. М. Леонова, с течением времени всё больше внимания уделялось поэтике его ранних рассказов. В постсоветском литературоведении произведения 1920-х гг., в том числе рассказ «Туатамур», представлены как самобытные произведения, в которые автор нередко приносил фольклорные мотивы и делал отсылки к восточным образам и сюжетам. Тем не менее, исследователи, обращаясь к раннему творчеству писателя, рассматривали его произведения 1920-х гг. в совокупности, обзорно, редко делая акцент на отдельных текстах. В данной статье внимание сосредоточено на рассказе «Туатамур», поэтика повествования которого диктует автору объединение характерных черт таких жанров, как миф и легенда, сказ, и приобщает читателя с помощью ориенталистских образов к идее цикличности времени и исторического процесса, а также ведёт к познанию внеисторических и вненациональных ценностей.

Гипотеза статьи, таким образом, заключается в том, что в рассказе «Туатамур» поэтика повествования передаёт характерную для восточных народов идею цикличности времени и служит основой для сочетания в тексте признаков жанров, относящихся к народному поэтическому эпосу.

Практическая значимость статьи заключается в возможности её применения для более детального изучения поэтики рас-

сказов и романов Л. М. Леонова 1920-х гг. как произведений, послуживших основой для утверждения его художественного стиля.

Пространственно-временная организация рассказа Л. М. Леонова «Туатамур»

В рассматриваемом рассказе Л. М. Леонов излагает историю походов в составе войска Чингиз-хана вымышленного персонажа по имени Туатамур. Данный герой представлен как выдающийся военачальник, «тень смерти и радость хаkana». ¹ В композиционном отношении рассказ разделён на четырнадцать глав, каждая из которых передаёт конкретный этап путешествия этого персонажа. В качестве рассказчика выступает сам главный герой, ведущий повествование от первого лица. Такой тип предельно субъективного повествования выбран не случайно. Туатамур рассказывает две истории, которые излагаются им параллельно. Первая история касается карательного похода против непокорного племени Дешт-Кипча. Туатамур по приказу каана Чингиса становится во главе войска.

Вторая история излагает всю жизнь главного героя – от рождения до старости и духовной смерти. Соответственно художественное время рассказа включает не только конкретное время, затраченное на военную кампанию против ослушников каана, но и время человеческой жизни в целом. В первой главе герой говорит о своём появлении на свет: «Когда родился я, никто не сказал: “Вот родился, который будет счастлив, у него голубое лицо”». ²

Описание подвигов Туатамура наполнено художественными преувеличениями и демонстрирует его силу и отвагу. В этой же главе герой упоминает о своём настоящем положении, т. е. фактически излагает горький финал своей жизни: «И вот я лежу у шатра чужой жены, солнце лижет мне

темя, а если бы хвост был у меня, – я вилял бы им». ³ Такие скачки из прошлого в будущее и наоборот сопровождают всё повествование. Первая глава также рассказывает о рождении Ытмари – дочери Чингиса и возлюбленной Туатамура. Изложение её предыстории во второй главе тоже гиперболизировано, т. к. оба главных героя, по выражению А. О. Зориной, прославляются «в традициях эпической идеализации» [9, с. 16].

Одновременно персонажи оказываются бессильными перед судьбой, которая постоянно довлечет над ними, что является характерной особенностью античного и восточного мифа. Во время похода Туатамур и Ытмарь видят знаки, намекающие на их дальнейшую судьбу. Примером служит сцена с черепом, глядя на который, Туатамур говорит: «Кто-нибудь прицелится хорошо, и я вот так же лягу под голой луной...». ⁴ Об образе судьбы в рассказе пишет Анна Подобрий: «На протяжении всего повествования Туатамур использует образ арбы как символа судьбы, образ, характерный для восточного фольклора» [10, с. 92].

Л. М. Леонов показывает, что герои его рассказа осознают себя в прошлом, настоящем и будущем одновременно. Попутно с этим в рассказе постоянно возникает мотив смерти, связанный с образом судьбы. Над героями довлечет рок, которому те не в силах противостоять, и потому они смиряются с его властью, что является неотъемлемой частью восточного менталитета. Например, Туатамур постоянно упоминает Худду, т. е. Создателя, Всевышнего: «Эй, Худда, да сохраняй пучины Ытмарь, добычу сердца Туатамура!» ⁵

Цикличность времени подчёркивается и упоминанием времён года, сменяющих друг друга и обозначающих круговорот событий в природе и человеческой жизни. Излагая свою историю, Туатамур обозначает границы лет с помощью образов животных восточного двенадцатилет-

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 64.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 71

⁵ Там же. С. 80.

него календарного цикла: «Скоро-скоро Обезьяна родит Курицу».¹ Для обозначения месяцев Туатамур использует лунный календарь: «Курица, рождённая Обезьяной, родила седьмую луну».² Говоря о смене времён года, главный герой замечает: «Когда бывает третье полнолуние осени, тогда надо ждать первого новолуния зимы».³ Это указывает на понимание времени как замкнутой цепи, когда одно состояние природы переходит в другое плавно. Соответственно этому течению времени уподобляется и круговорот событий в человеческой жизни. Подобно тому, как один сезон переходит в другой, одно событие в жизни влечёт за собой следующее. Такой порядок событий, когда жизнь человека подчинена законам природы и мироздания, характерен для восточного менталитета. Кроме того, повествование Туатамура, изобилующее образами и символами восточного календаря и приметами культуры народов Востока, наделяет рассказ чертами такого жанра, как легенда. Проблемы этого жанра исследовали И. С. Карабулатова и И. П. Савчук: «Создавая картину мира, показывая предметы, расцвечивая их определениями, авторы легенд рисуют картины окружающей действительности, обстановку, описывают состояние героя, дают оценку окружающему миру» [11, с. 557].

Не менее важным является анализ художественного пространства в данном рассказе. Оно не только включает описание пути, по которому следуют Туатамур и его воины, но и буквально расширяется за счёт упоминания городов и стран, покорённых главным героем в прошлом, когда он совершал подвиги на службе у Чингиса. Подтверждения мы можем найти в первой главе рассказа: «Это я, который пронёс огонь и страх от Хоросана до Астрабада, от Тангута до земли Алтанхана, который сгорел в огне».⁴ Подобные

отсылки к прошлым деяниям героя с упоминанием конкретных мест мы встречаем и в других главах, где изложение событий похода чередуется с экскурсом в прошлое Туатамура. Пример находим в третьей главе: «Я сжёг Нишабур и Термиз. Я пробил стены Балха и Бедехшана. Я снял ворота с Конкирата. Расстояние между моими ногами было в пятьдесят фарсангов».⁵ Заметно, что гиперболизированное изображение силы и возможностей Туатамура как воина подчёркнуто описанием пространства, которое он в прямом смысле преодолел собственными ногами, т. е. завоевал для хана практически все известные ему земли. Так, с помощью взаимосвязи категорий времени и пространства персонаж Туатамура наделяется характерными чертами былого героя народного поэтического эпоса и воспринимается читателем в качестве утратившего это качество мифологического и легендарного персонажа.

В текст повествования включаются также названия топонимов, отсылающих к известным историческим событиям. Например, с войском Дешт-Кипча и пришедшими ему на помощь орусами, т. е. русскими князьями, Туатамур сражается на реке Калке. Причём у монгольского народа, по словам Туатамура, эта река не имела названия: «Между мной и Мстислабами легла река. Они её звали Калка. Мы никак её не звали...»⁶ Это фрагмент, который, по словам исследователя творчества Л. М. Леонова А. О. Туевой, «художественно воспроизводит один из переломных моментов русской истории» [5, с. 198].

Однако следует обратить внимание также на идейно-смысловую составляющую упоминаемых в процессе повествования природных объектов. Так, в начале своего путешествия Туатамур и его воины пересекают великую равнину Улуг-Ана, настолько широкую, что «сам Чингис бы не смог докинуть копыта до её края».⁷ Равнину можно понять как символ открытого пространства и Вселенной, мироздания, т. к.

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 72.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Там же. С. 70.

она даёт жизнь всему сущему. По словам Туатамура, там рождаются великие. Здесь герой находится в зените своей славы и полон сил. Озёра, между которыми персонажи устраивают привал, являются своеобразной чертой, которая отделяет известный завоевателям мир от непознанного. В пятой главе Туатамур и его войско встречают горы, которые символизируют предстоящие персонажам испытания. «Верный верит: когда Худда рассердится на людей, он спустит на них горы».¹ Именно после прохождения гор Туатамур встречает трудности на пути: его воины теряют от холода носы и уши и буквально вмерзают в грязь. Но наиболее сложным испытанием становится битва с орусами и племенем Дешт-Кипча на Калке. В историческом плане Леонов в целом достоверно передаёт ход сражения и отклоняется от летописей лишь в деталях.

Несмотря на выигранную битву, Туатамур побеждён, т. к. сердце его возлюбленной Ытмари отдано погибшему в бою русскому князю Джаньилу; под этим именем подразумевается Даниил Галицкий, который, по верному замечанию А. О. Туевой, «на самом деле в битве на Калке ... был лишь ранен, а умер в 1264 году» [5, с. 198]. Здесь герой достигает пика собственной славы, и вместе с тем с этого момента начинается закат его жизни и утрата им собственного могущества. Вернувшись домой, Туатамур впал в немилость у нового каана Угэдэя, который не простил ему самоубийства Ытмари.

Таким образом, художественное время и пространство в рассказе помогают автору передать характерное для Востока циклическое понимание времени и мироздания. Герой побеждает всех врагов на поле боя и преодолевает каждое встречающееся на его пути препятствие, но оказывается бессилён перед судьбой. Подчинив воле Чингиса народы и страны, он не может подчинить себе любовь Ытмари. Встречающиеся в тексте многочисленные обозначения пространства, связанные

с художественным временем, призваны отметить определённые этапы на пути Туатамура, который ведёт войско в неизведанные земли, т. е. к границам познанного. Река Калка на этом пути обозначает своеобразный рубеж между славой героя и его закатом.

Вывод, касающийся жанровой природы произведения, заключается в том, что наряду с мифологическими элементами рассказ включает, как было отмечено выше, черты легенды, т. к. неотъемлемой частью повествования становится упоминание о традициях, приметах, символах и других составляющих культуры монгольского этноса, которые служат для художественного воспроизведения исторической эпохи. Жанровые признаки легенды сформулировала в своих научных работах литературовед Н. А. Тулякова: «Пространство легенды представляется отпечатком времени, вбирающим в себя события прошлого и память о них» [12, с. 32]. Это позволяет отметить, что в рассказе присутствуют некоторые черты не только мифа, но и легенды.

Специфика сюжета и образ рассказчика в «Туатамуре»

Отправной точкой развития сюжета становится приказ, отданный Туатамуру Чингисом, чтобы он возглавил поход и наказал за ослушание народ Дешт-Кипча. Именно повеление каана запускает цепь событий, которые навсегда изменят жизнь Туатамура. При этом стоит отметить, что в рассказе присутствует внешний и внутренний сюжет. К внешнему сюжету относятся события, которые разворачиваются вокруг главного героя и его спутников и в которых он принимает участие. Внутренний сюжет фиксирует изменения духовного мира Туатамура, передавая его мысли, суждения, чувства и подводя нас к тому состоянию персонажа, в котором он видит самого себя в финале. Внешнее и внутреннее повествование идут параллельно, достигая кульминации в сцене после битвы на Калке, когда Туатамур теряет Ытмари. Оба сюжета представляют единое, нераз-

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 71

дельное повествование в рассказе главного героя. Сюжетообразующим элементом становится дорога, по которой следует Туатамур. Повествование строится вокруг конкретного перемещения его войска от шатра Чингиса «в направлении стрелы Третьего разбойника ночного неба», где живёт «буйное племя Дешт-Кипча»¹, а затем обратно. И назад Туатамур возвращается изменившимся человеком, пережившим трагедию потери возлюбленной. По верному замечанию исследователей У Яньтина и О. В. Али, образ дороги в русской литературе сопровождается и «определяется несколькими основными мотивами: дорога и зеркало мира, дорога и судьба, дорога и путь к свободе, дорога как путь к самопознанию или как бегство от самого себя...» [13, с. 212]. Дорога в рассказе означает не только перемещение из одной точки в другую, но и путь героя к постижению собственного внутреннего мира. Кроме того, это путь человека от рождения к смерти. Предопределённость этого пути неоднократно подчёркивается Туатамуrom, произносящим слова «Мин улымы!»², что означает «Я мёртв!» Этими же словами он завершает свой рассказ.

Внутренний сюжет доносится до читателя с помощью внесюжетных элементов. Одним из них является художественное опережение. В четвёртой главе Туатамур, описывая верного соратника Гемябека, забегает вперёд и говорит, что его ослепил кипчакский князь и насыпал ему соли в глаза. Затем в девятой главе, дойдя до этого события, рассказчик вновь повествует о нём уже в рамках основного сюжета. Можно также увидеть сюжетное опережение в шестой главе, когда Туатамур говорит о своей встрече с новым кааном Угэдэем, который ударил главного героя «в лицо золотым каанским буздыганом».³ Но непосредственно повествование сконцентрировано на этой сцене в заключительной главе.

Другим приёмом донесения мыслей и чувств Туатамура становятся лирические отступления. Так, в шестой главе герой вспоминает ушедших воинов и вновь говорит о будущем как о прошлом. Нередко мысли Туатамура перемежаются пейзажными зарисовками. Состояние природы подчёркивает внутренние ощущения Туатамура и рифмуется с ними. Например, описание утра в начале одиннадцатой главы предвещает кровавую битву с кипчакским племенем и отражает воинственное состояние героя: «Ночь и утро были холодны. Калка дымилась. Её серебро алело, зная о кровавом дне».⁴

Стоит отметить, что сюжет рассказа имеет мифологический и религиозный подтекст. Один из наиболее известных мифологических сюжетов связан с изгнанием из рая. Рассказ Л. М. Леонова включает некоторые элементы такого мифа. Мотив утраты рая в данном произведении связан с тем, что Туатамур, обращаясь к прошлому, описывает его как идеальное время. Чингиса он изображает как образцового повелителя, господина, у которого «было два сердца». Восприятие Туатамуrom Чингиса не только как господина, но и как духовного наставника, образца для подражания подчёркивается рассказчиком на протяжении всего повествования. Подтверждение находим в четвёртой главе, когда каан, благословляя Туатамура перед походом, обращается к нему как повелитель и просит не щадить врагов. А второе напутствие раскрывает Чингиса как духовного отца Туатамура и его соплеменников: «Худда да охранит тебя в твоих путях, Туатамур!»⁵

Идеализация главным героем прошлого выражена и в упоминании возраста каана. Золотой век в представлении Туатамура был во времена молодости Чингиса, когда тот был полон сил. Однако время правления великого каана подходит к концу, его одолевает время, и Туатамур подчёркивает старение Чингиса с помощью контраста. Если раньше каан был подобен клинку саб-

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 66.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 81

⁵ Там же. С. 69.

ли, то в момент прощания с Туатамуrom Чингис бессильно двигал челюстью и «белая капля слюны выползла на серебряный цветок халата».¹ Сюжет, таким образом, концентрируется на утратах, которые переживает главный герой, совершая свой поход. Расставание с Чингисом, которого, как замечает Туатамур, он видел в последний раз, усиливается другими потерями. Туатамур в лирических отступлениях говорит о верных соратниках, которые погибли в боях. В представлении героя они ушли «с Чингисом в закат, на пир Худды».² Туатамур расстаётся и со своим станом. Он вернётся в родной край, но тот уже будет под властью сына Чингиса – каана Угэдэя. Герой теряет своё влияние, т. к. Угэдэй выбирает для себя новых соратников. Подтверждение находим в четырнадцатой главе, когда Туатамур говорит о Кирагае – новом полководце на службе у хаkana. Воины поют в его честь ту же песнь, которой они когда-то прославляли Туатамура.

Однако главной утратой становится самоубийство Ытмари, которую главный герой не только любил, но и считал воплощением Чингиса, т. к. Ытмарь унаследовала смелое сердце своего отца. Ытмарь была для Туатамура идеальным образом, в котором нашли отражение сила, красота и величие народа, которым повелевал её отец. Подтверждение этому находим во второй главе, где, излагая предысторию дочери каана, Туатамур обращает внимание на то, что «её внимательно слушали в собраниях грая древние мурзы и атабеки...»³ В хвалебной песне воинов полководца подчёркивается, что впереди войска была Ытмарь. Желание героя завоевать её любовь и невозможность добиться этого образуют внутренний конфликт рассказа, в то время как внешний конфликт выражен в столкновении войска Туатамура с племенем Дешт-Кипча. Иллюстрацией этой черты поэтики рассказа становится сцена допроса сына кипчакского хана, которого

люди военачальника схватили на охоте. Туатамуру удалось пленить его, но у него не получилось сломить его волю. Точно так же ему не удалось завоевать сердце Ытмари. И её смерть повлекла главную утрату героя – потерю им самого себя, о которой он упоминает ещё в начале похода: «Они, шурия привычно-умные и в бешеных скачках глаза, пошли топтать страны, где я нашёл богатую добычу, но потерял себя».⁴

Таким образом, герой на протяжении повествования проходит через череду потерь и в итоге утрачивает собственную идентичность. В сюжете рассказа отражена смена двух эпох, и время правления Чингиса воспринимается в процессе повествования и как золотой век жизни народа, находящегося под его властью, и как золотой век самого Туатамура. Конец правления Чингиса представлен как утрата Туатамуrom земного рая, символом которого были сам правитель, его воины и Ытмарь – воплощение любви. С уходом из жизни дочери каана уходит любовь как целостное состояние, в котором пребывал Туатамур и окружающий его мир, ведь читателю он показан с субъективной точки зрения главного героя. Не случайно пространство вокруг него к финалу рассказа сжимается до размеров «шатра чужой жены».⁵ Однако время не останавливается для окружающего мира, и на смену Чингису и Туатамуру приходят новые властители и герои, такие как Угэдэй и Киралай, и история, завершив один цикл, начнёт следующий.

Особенности речи повествователя в рассказе «Туатамур»

Неотъемлемой частью повествования в рассказе «Туатамур» становится речь главного героя, с помощью которой он ведёт повествование. Речь рассказчика не только придаёт органическое единство произведению, но и служит важным средством донесения его идейного содержания. Одним

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 69.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Там же. С. 64.

из значимых средств речи рассказчика является широкое использование в тексте собственно монгольской и древнетюркской лексики. Ключевые для истории героя слова переданы так, как они звучат на монгольском или одном из древнетюркских языков. К ним относятся такие слова, как «хакан» («властитель»), «каан» («великий повелитель»), «Худда» («создатель»), «кагер» («проклятье»), «хатунь» («женщина»). Самые сильные эмоции Туатамур передаёт с помощью монгольских выражений, чаще всего это короткие двусоставные или односоставные восклицательные предложения: «Картка кайга!» («Горе старости!») [4, с. 69]. Иноязычной лексикой передаются также обращения Туатамура к воинам или к высшим силам: «Эй, Худда, беним юраклы алаимны сакла!»¹ («О создатель, сохрани огонь моего сердца!»).

Субъективный характер повествования подчёркивается восточной лексикой. С помощью специфического для русского читателя словаря обозначены ключевые точки развития внешнего и внутреннего конфликта рассказа. Так, в тринадцатой главе мы видим восприятие главным героем вести о смерти Ытмари: «Бетты юлды хакан кызы!»² («Окончила свой путь дочь хакана!»).

Не менее важным представляется использование монгольских и тюркских слов для отражения примет эпохи, частью которой является Туатамур. Наименование бытовых, культурных, религиозных реалий служит для воспроизведения окружения главного героя. Это подчёркивает его неразрывную связь со временем и пространством, в которых он находится и вне которых его история невысказима. Данное наблюдение было высказано литературоведами Л. С. Тарасовой и Н. А. Филатовой, отметившими, что в ранних произведениях Л. М. Леонова «воспроизводится определённый тип исторической культуры, герой, система его мышления, нравственные и эстетические позиции» [14, с. 65].

К подобной лексике можно отнести слова «аган» («воитель»), «аймак» («селение»), «буздыган» («скипетр»), «тулпар» («скакун»), «карбекчи» («гонец»). Изображение окружения, в котором существует Туатамур, наделяет главного героя чертами мифологического персонажа, т. е. рассказанная им история подана не как вымысел, а как реально случившееся событие. Повествование Туатамура, подобно мифу, отчасти раскрывает мироустройство, объясняет законы функционирования происходящих в жизни процессов. Так, равнина Улуг-Ана становится местом рождения великих героев, а погибшие воины пируют вместе с Чингисом на пиру Худды. В повествовании также приводятся отсылки к другим мифологическим героям: Ытмарь, оплакивая погибшего Джаньила, исполняет песню «про царевну Луну, полюбившую батыря Дубарлана».³ И эта история любви рифмуется с историей Ытмари, т. е., согласно песне, Луна тоже теряет возлюбленного.

Поэтические приёмы, использованные для описания природы, наделяют повествование художественной образностью. Одним из ведущих тропов становится сравнение в различных вариациях. Причём качества человека сопоставляются с явлениями природы. Так, поцелуи Ытмари сравниваются с первым молоком кобылиц, а глаза Бласмышь уподобляются полевым мышатам. Природные объекты олицетворяются и персонифицируются, что подчёркивает, насколько жизнь персонажей подчинена природному циклу, едина с ним. Так, приём олицетворения находим в описании утра перед походом в четвёртой главе: «Поутру, когда звёздное соединенье Уркура спешило спрятаться в голубой траве, барабанный бой разбудил солнце. Оно, хромая, поползло над ордой».⁴ Причём не только человек уподобляется природе, но и наоборот. Например, гора Кунукмар, по словам Туатамура, напоминала нос человека.

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 71.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 68.

Характерные для народного поэтического эпоса тропы использованы при описании ратных подвигов персонажей. Наиболее частотными среди них становятся метафора и гипербола. Так, своё войско Туатамур уподобляет тьме, наконецник копья, пронзивший Азарбука, напоминает ему язык, а сила Туатамура велика настолько, что он «мог ломать четырнадцать связанных вместе копий ударом о колено»¹ [4, с. 68]. Но главной ценностью для него являются не победы, а любовь, преодолевающая разделения и станы. Речь рассказчика отражает волнение его души, поэтому она наполнена риторическими восклицаниями и вопросами, а также междометиями, которые усиливают эмоциональность повествования.

Таким образом, использование монгольских и древнетюркских слов и выражений призвано отразить приметы времени и пространства, в котором существует главный герой, и вписать его образ в цельный мифологический контекст. Традиционные для народного поэтического эпоса тропы и фигуры речи отражают неразрывную связь персонажей с природным циклом и уподобляют человеческую жизнь течению природных процессов, подчиняющихся не только времени, но и надвременной тайне, где смерть воспринимается как естественная часть жизненного цикла, после которой наступит момент для новой жизни.

Заключение

Обобщая сказанное, стоит отметить, что в рассмотренном произведении Л. М. Леонова поэтика повествования многогранна и выражена посредством расширения художественного времени и пространства, которые помогают показать жизнь отдельного человека, сопряжённую с природным циклом и тайным, непостижимым стержнем любви. Приём сюжетного опережения призван подчеркнуть предопределённость пути главного героя, отразить власть судьбы над ним и

подчинение его законам мироздания. Идея цикличности времени подчёркивается включением в повествование отдельных элементов восточных сюжетов, уподобляющих круговорот событий в человеческой жизни природным законам, где одно состояние окружающего мира постепенно сменяется другим. Этому принципу подчинён и исторический процесс, представленный в рассказе как смена двух эпох, одну из которых олицетворяет Чингис, а другую – пришедший ему на смену Угэдэй.

Сюжетообразующим элементом повествования становится дорога, по которой следует главный герой. Образ пути выступает стержнем повествования, вокруг которого выстраивается внешний и внутренний сюжет, а кульминационным моментом является сражение Туатамура с вражеским племенем на реке Калке, где он побеждает как полководец, но терпит поражение в любви. Повествование Туатамура сконцентрировано на череде пережитых им утрат: расставании с Чингисом, родным станом, боевыми соратниками, своим положением при верховном правителе, наконец, с Ытмарью, в результате чего расстаётся с самым желанием жить. Сюжет рассказа имеет мифологический подтекст, т. к. демонстрирует возвышение героя и его падение. Повествование включает мотив утраты рая, блаженства молодости, доказательством чему служит идеализация Туатамуром эпохи правления Чингиса, которая в его глазах представлена как золотой век. Образ самого каана сочетает в себе черты мудрого правителя, а также духовного отца и наставника главного героя. Тем не менее, утрата Ытмари становится ключевой в данном контексте, т. к. с её смертью окончательно уходит время Чингиса и исчезает любовь как состояние мира, частью которого был Туатамур.

В целом в рассказе Л. М. Леонова «Туатамур» нашли отражение значимые для его раннего творчества темы и мотивы, в числе которых роль человека в историческом процессе, преемственность и взаимосвязь исторических эпох, соотношение человеческой жизни с законами времени

¹ Леонов Л. М. Ранняя проза: повести и рассказы. М.: Современник, 1986. С. 68.

и вечными ценностями. В формировании художественного стиля писателя важную роль сыграло его обращение к образам и сюжетам народов Востока, к жанрам вос-

точного народного поэтического творчества, культуре, созидающей человечество, вопреки политической вражде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронский А. К. Литературные портреты: в 2 томах. Т. 1. М.: Федерация, 1928. 471 с.
2. Осоргин М. А. Российские журналы // Критика русского зарубежья: в 2 ч. Ч. 1. М.: АСТ, 2002. С. 116–129.
3. Белая Г. А. Ранний Леонов // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 45–61.
4. Лысов А. Г. Раннее творчество Леонида Леонова. Концепция культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. 20 с.
5. Туева А. О. Разновидности хронотопа в рассказах Л. М. Леонова 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10. Ч. 1. С. 195–200.
6. Гаганова А. А. Нарратив «пути героя» языческого мифа как шаблон сюжета и образа персонажа производственного романа 1920-х гг. (на материале романа «Соть» Леонида Леонова) // 1920-е и 2020-е: взгляд сквозь столетие: материалы XXVI Шешуковских чтений, Москва, 28 января 2021 г. / под ред. Л. А. Трубиной. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 41–48.
7. Задорина А. О. Мотив искушения в творчестве Л. М. Леонова 1920-х годов // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 312–323. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12905.
8. Подобрий А. В. Национально-мифологическая составляющая природных образов в новеллистике 1920-х годов (на примере произведений И. Бабеля, Л. Леонова, Вс. Иванова) // Мировая литература в контексте культуры. 2018. № 7 (13). С. 125–136.
9. Зорина А. О. Поэтика рассказов Леонида Леонова 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015. 23 с.
10. Подобрий А. В. Категория «время» как составляющая национальной специфики текста (на материале произведений Л. Леонова, Вс. Иванова и И. Бабеля) // Мировая литература в контексте культуры. 2017. № 6 (12). С. 91–103.
11. Карабулатова И. С., Савчук И. П. Легенда как многомерный феномен: к вопросу категории временной модальности в жанре легенды // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 557–558.
12. Тулякова Н. А. Легенда и предание в русской литературе первой половины XIX в.: жанровые рефлексивы и жанровые стратегии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2019. № 58. С. 24–42. DOI: 10.15382/sturIII201958.24-42
13. У Яньтин, Али О. В. Мотив дороги в русской литературе // В мире русского языка и русской культуры: сборник тезисов VI Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 22 апреля 2022 г. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2023. С. 209–212.
14. Филатова Н. А., Тарасова Л. С. Тема Востока в ранних произведениях Леонида Леонова // Русский язык в поликультурном образовательном пространстве: материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых учёных с международным участием: к 30-летию кафедры русского языка, Астрахань, 18–19 ноября 2021 г. Астрахань: Нова, 2021. С. 64–70.

REFERENCES

1. Voronskii, A. K. (1928). *Literary portraits*. Vol. 1. Moscow: Federation Publ. (in Russ.).
2. Osorgin, M. A. (2002). Russian journals. In: *Criticism of the Russian diaspora*. Part 1. Moscow: AST Publ., pp. 116–129 (in Russ.).
3. Belaya, G. A. (1970). Early Leonov. In: *Questions of Literature*, 7, 45–61 (in Russ.).
4. Lysov, A. G. (1988). *Early works of Leonid Leonov. Concept of culture* [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
5. Tueva, A. O. (2014). Chronotope variations in the stories by L. M. Leonov of the 1920s. In: *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 10, pt. 1, 195–200 (in Russ.).
6. Gaganova, A. A. (2022). The narrative of the “hero’s way” of pagan myth as a template for the plot and character image of a 1920s production novel (based on the novel “Soth” by Leonid Leonov). In: *1920s and 2020s: a look through the century: materials of the XXVI Sheshukov Readings, Moscow, January 28,*

2021. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., pp. 41–48 (in Russ.).
7. Zadorina, A. O. (2023). The motif of temptation in the works of L. M. Leonov in the 1920s. In: *The Problems of Historical Poetics*, 21 (4), 312–323. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12905 (in Russ.).
 8. Podobrii, A. V. (2018). National-mythological component of natural images in novelistic of 1920-ies (by the example of works of Isaac Babel, Leonid Leonov, Vs. Ivanov's). In: *World Literature in the Context of Culture*, 7 (13), 125–136 (in Russ.).
 9. Zorina, A. O. (2015). *Poetics of Leonid Leonov's stories of the 1920s*: [dissertation]. Kirov (in Russ.).
 10. Podobrii, A. V. (2017). The category of «time» as a component of the national specifics of the text (on the examples of L. Leonov, Vs. Ivanov and Isaac Babel). In: *World Literature in the Context of Culture*, 6 (12), 91–103 (in Russ.).
 11. Karabulatova, I. S. & Savchuk, I. P. (2018). Legend as a multidimensional phenomenon: the question of the category of temporal modality in the genre of legend. In: *The world of science, culture, education*, 5 (72), 557–558 (in Russ.).
 12. Tuliakova, N. A. (2019). Legend and Folktale in Russian literature of the first half of the 19th century: genre indications and genre strategies. In: *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya*, 58, 24–42. DOI: 10.15382/sturIII201958.24-42 (in Russ.).
 13. Wu Yanting & Ali, O. V. (2023). The Motif of the Road in Russian Literature. In: *In the World of Russian Language and Russian Culture: Collection of Abstracts of the VI International Student Scientific and Practical Conference, Moscow, April 22, 2022*. Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language Publ., pp. 209–212 (in Russ.).
 14. Filatova, N. A. & Tarasova, L. S. (2021). The theme of the East in the early works of Leonid Leonov. In: *Russian language in a multicultural educational space: materials of the all-Russian scientific and practical conference of students and young scientists with international participation: for the 30th anniversary of the Russian language department, Astrakhan, November 18–19, 2021*. Astrakhan: Nova Publ., pp. 64–70 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Санатов Кирилл Валерьевич (Москва) – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Государственного университета просвещения, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: kirill.sanatov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirill V. Sanatov (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education, Lecturer, Department of Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology;
e-mail: kirill.sanatov@mail.ru